

С Шэн Нянем в одной комнате — это оказалось куда хуже, чем я мог себе представить.

Шэн Нянь вечно улыбается, но в нём нет ни капли искренности, да и его окружение ничуть не лучше.

В первую же ночь Линь Тин вернулся домой, в лавку всякой всячины на шумных старых улицах 8-го сектора.

В сумерках рольставни лавки уже были опущены, а перед входом на низеньком табурете сидел дядька.

Волосы у него были всклокочены, на плечах — тяжёлая кожаная куртка, а потрёпанные джинсы протёрлись до дыр на самых щиколотках.

Он держал бутылку пива, пил прямо из горлышка, и в запрокинутой голове читалась какая-то безнадежная небрежность.

Стоило ему поставить бутылку и взглянуть на Линь Тина, как во взгляде промелькнула лёгкая, почти бесшабашная вольность.

В вечерних сумерках лицо мужчины было не разобрать, но казалось, что он вечно небрит и неухожен.

Линь Шан, помахивая бутылкой, лениво окликнул сына:

— О, а вот и наша маленькая принцесса вернулась.

Линь Тин с каменным лицом отрезал:

— Заткнись.

Когда у Линь Тина возникали сомнения, он всё же предпочитал советоваться с отцом. Он встал перед табуретом Линь Шана и с серьёзным видом спросил:

— Старик Линь, что делать, если в школе меня хотят задирать?

Линь Шан взъерошил свои растрёпанные волосы, залпом допил остатки пива и протянул пустую бутылку Линь Тину.

Линь Тин молча взял её в руки и пошёл прочь по старой улице.

Кто-то из соседей окликнул его:

— Линь, за соевым соусом пошёл?

Линь Тин вежливо ответил:

— Да, тётя Чжан.

...

На следующий день Линь Тин вернулся в общежитие.

Дверь была приоткрыта, внутри стоял тяжёлый, давящий запах Шэн Няня. Мимо Линь Тина, пошатываясь, проскользнул красивый парень, бросив на него полный ненависти взгляд, будто Линь Тин помешал ему в чём-то важном.

Линь Тин проигнорировал его, вошёл в комнату, распахнул окно и дверь, чтобы проветрить.

Не обращая внимания на изучающий взгляд Шэн Няня, он придвинул стул и принялся за учёбу.

Выражение его лица, когда он смотрел в экран нейросети, было на редкость бесстрастным, но черты лица — длинные загнутые ресницы, изящный кончик носа, полные губы — совсем не казались «монашескими».

Из-за бледной кожи цвет губ и ресниц казался лишь ярче и соблазнительнее.

Шэн Нянь, закинув ногу на ногу и подперев подбородок рукой, с полуулыбкой наблюдал за ним.

Внезапно он встал, небрежно взял яблоко и подошёл к Линь Тину со спины.

Он положил яблоко прямо под локоть Линь Тина и мягко проговорил:

— Угощайся.

Шэн Нянь выглядел как истинный джентльмен, но его поза была подчёркнуто агрессивной.

Стоя за спиной Линь Тина, он опирался обеими руками на стол, словно заключая его в объятия.

Его правая ладонь чуть приподнялась и по-хозяйски легла Линь Тину на лоб.

Шэн Нянь наклонился к самому его уху и тихо рассмеялся:

— Ц-ц-ц, твой уровень духовной силы и правда D. И как ты только посмел встать против меня, а?

Ладонь Шэн Няня была тёплой, но исходящая от неё духовная энергия жалила мозг Линь Тина, словно негласное предупреждение.

Даже мягкий до этого взгляд Шэн Няня постепенно холодел.

У Линь Тина в голове стоял гул. Он пытался подавить боль, но та лишь усиливалась.

Он протянул руку и решительно вытащил из подставки канцелярский нож. Лезвие ещё не успело показаться, как Шэн Нянь благоразумно отдёрнул руку, не забыв при этом насмешливо заметить:

— Какой ты свирепый...

Он покосился на дверь и многозначительно добавил:

— Линь Тин, а ведь со стороны мы сейчас выглядим так, будто кокетничаем. Кажется, нас видели. Что же теперь делать?

Линь Тин убрал вещи, повернулся к Шэн Няню и негромко, будто с испугом, произнёс слова, от которых веяло холодом:

— Это ведь именно то, что ты хотел увидеть, не так ли? Тебе не нужно ходить кругами, пытаясь выжить меня из класса А. Самое простое решение — просто убить меня.

Шэн Нянь потянулся к его лицу, но прежде чем его пальцы коснулись кожи, Линь Тин уже включил камеру на нейросети:

— Будь осторожен, я подам на тебя жалобу за домогательства.

Шэн Нянь отступил и улыбнулся:

— Верю.

Класс А и даже значительная часть военного училища Ляошань находились под контролем Шэн Няня.

Он должен был гарантировать абсолютную чистоту и элитарность класса А, чтобы поддерживать его высокий статус.

На людях Шэн Нянь радушно приветствовал Линь Тина в классе А, но в тени именно он дёргал за ниточки всей этой травли.

Линь Тин понимал: Шэн Нянь намеренно изобразил близость, чтобы кто-то за дверью увидел это, и завтра травля станет ещё жёстче.

Шэн Нянь казался озарённым солнцем добродетелем, но за его спиной скрывался злой дракон, рыскающий в бездне.

...

На третий день путь Линь Тину преградил юноша с утончённым лицом и высокомерным взглядом.

Это был Гуань Ся из того же класса А. Он вырос вместе с Шэн Нянем, был его другом детства и открыто демонстрировал свои чувства к нему.

Гуань Ся считал себя единственным, кто достоин Шэн Няня. Он прощал ему случайные увлечения и сам избавлялся от всех претенденток, мешавших Шэн Няню.

На этот раз Шэн Няню не пришлось ничего говорить — Гуань Ся сам понял, что нужно сделать.

Избавиться от Линь Тина было проще простого.

Раньше, когда Гуань Ся устранял кого-то, ему приходилось учитывать статус семей жертв, проявлять осторожность. Даже если маленький господин хотел устроить скандал, он знал меру.

Но с Линь Тином всё было иначе: выходец из 8-го сектора, ничтожество с уровнем духовной силы D.

Убить его можно было так же легко, как раздавить муравья. Гуань Ся не понимал, в какие игры играет Шэн Нянь.

Поэтому на третий день он привёл с собой группу людей и заблокировал Линь Тина — того

самого парня, который всегда ходил, вжавшись в стену и опустив голову.

Линь Тин выглядел покорным, безразличным и неспособным на сопротивление. Он безропотно последовал за Гуань Ся к заброшенному складу.

Когда тяжёлая стальная дверь захлопнулась, Гуань Ся презрительно скривил губы: такой слабый и податливый...

А Линь Тин лишь нахмурился. Его старые раны едва зажили, и он уже порядком устал от всего этого.

Но он знал: если позволишь обидеть себя раз, это станет началом бесконечной череды издевательств.

Тучи закрыли луну. Зимние ночи всегда были сухими. Линь Тин облизнул пересохшие губы и тихо проговорил:

— Начинайте.

Гуань Ся опешил:

— Что?

— Я говорю, можете начинать, — повторил Линь Тин. Он не мог ударить первым: это сочли бы провокацией, а ответный удар — самообороной.

Гуань Ся, придя в себя, разозлился и махнул рукой своим людям:

— Забейте его до полусмерти!

...

Когда лунный свет вновь озарил землю, Шэн Нянь наконец «снизошёл» до появления и толкнул железную дверь.

В нос ударил слабый запах крови. Шэн Нянь слегка нахмурился: он не планировал доводить дело до трупов.

Он включил свет, и то, что предстало перед ним, выглядело странно.

Несколько элитных учеников класса А валялись на полу, едва дыша. Судя по ранам, это были лишь ушибы и ссадины, но болеть они должны были адски.

А Линь Тин, послушный и тихий, сидел на корточках рядом с Гуань Ся и вправлял ему вывихнутую руку.

Раздался хруст — кость встала на место. Линь Тин, пошатываясь, поднялся и повернулся к Шэн Няню.

На щеке Линь Тина запеклась кровь, рукава были испачканы — выглядел он изрядно потрепанным.

Его тонкие брови и глаза опустились в болезненной усталости, отчего он казался одновременно жалким и каким-то надломленным.

Сердце Шэн Няня на миг пропустило удар.

Пока он был в замешательстве, Линь Тин подошёл к нему вплотную. Задрав голову, он посмотрел на него чистым и невинным взглядом и искренне попросил:

— Наклонись пониже, я покажу тебе кое-что.

— Хорошо, — отозвался Шэн Нянь и послушно опустил голову.

Линь Тин порылся в своём пространственном хранилище, выудил пустую пивную бутылку, которую дал ему старик Линь, и со всей силы опустил её на голову Шэн Няня.

<http://bllate.org/book/20020/1975716>